

С Инной Михайловной Чуриковой мы встречались не раз — и в театре и дома. Что больше всего меня поразило в ней! Это редкостная простота и непостижимая духовная сила. Никакого внешнего напряжения при захватывающей внутренней наполненности. А это, как известно, самая высокая ценность в искусстве.

Есть в близости людей заветная черта...

— Инна Михайловна, когда видишь вас на сцене и на экране, думаешь о том, что вы можете передать любое душевное состояние и сыграть все. Даже Моцарта, как однажды заметил Эдвард Радзинский, и я охотно к нему присоединяюсь. Хочется понять, откуда эти силы!

— Не знаю... Творчество всегда — дело таинственное. А откуда берутся силы? Тоже сказать трудно.

— Вы так свободно дышите на сцене, словно выходите на нее и проживаете свою собственную жизнь. Так ли это легко на самом деле?

— Знаете, ангел прилетает редко. Момент, когда ты буд-то летаешь, приходит всегда неожиданно-негаданно. К нему надо долго-долго готовиться. А так, чтобы взять и полететь... Таких случаев не так уж и много.

Признаться, безумно люблю репетировать. Мне важно само погружение в образ, в ситуацию. И тогда интуитивно открываю для себя такое, о чем и не подозревала. «Над вымыслом слезами обольюсь...». Это у Александра Сергеевича точно сказано.

— Но, видимо, трудно быть талантливой каждый день, да еще в один и тот же час про-

износить одни и те же слова и слышать в ответ одни и те же реплики!

— Откровенно говоря, талантливой себя не чувствую. Просто работаю. Конечно, повторять одно и то же из вечера в вечер было бы просто невыносимо. Но в том-то и дело, что одинаковых спектаклей не бывает. Каждый раз я жду от партнеров — а они от меня — что-то неожиданное. Мы стараемся удивить друг друга, подбодрить. Всякий раз между нами возникает особое поле притяжения. И мы никогда не знаем, как пойдет спектакль, хотя намерения у нас всегда достойные.

Актеры иногда говорят, что сегодня, мол, зритель плохой. Но дело вовсе не в зрителе, а в нас самих. Спектакль — огромное коллективное дело. И очень живое.

— Как вы готовитесь к спектаклю?

— В день, когда играю Гертруду в «Гамлете», должна сосредоточиться, побыть одна. В шекспировском спектакле всегда... триста градусов кипения. И внутри у актера должно быть то, что могло бы «кипеть». Так же и перед «Сорри».

— А после спектакля — праздник в душе!

— Очень редко. Как-то я смотрела в «Современнике» спектакль «Спешите делать добро». Было много цветов. Аплодисменты. Спускаюсь в метро и вижу... Марину Неелову. Уже без грима, но и без цветов. Вошла в вагон, повернулась уставшим лицом к стене. Одна — после такой труднейшей работы.

— Вы подошли к ней?

— Не могла...

— Одинокие... Слово те самые птицы, что поют в терновнике.

— Вы видели, как поет соловей?

— Только слышала.

— Как он мучается! Весь сотрясается, его тельце колотится. Это труд. Невероятная трата сил. А он такой крохотный.

Я увидела соловья — глаза в глаза — на яблоневой ветке, как раз в тот момент, когда ему уже надо было работать. Перелетать куда-то времени не было. Соловей с другого дерева запел, надо вступать и ему. А он не может — стоит некая особа в моем лице и смотрит на него. У него и ротик открыт, и весь организм подготавливается, как запеть.

Что может быть прекраснее песни соловья? Вот ведь, оказывается, в каких муках рож-

даются эти божественные звуки.

— Заснять бы это на пленку.

— Да, у нас есть такая идея.

— Инна Михайловна, в вас необыкновенно сильная энергия, которая буквально гипнотизирует зрителей. Помню, как в первый раз увидела вас на сцене. Вы играли фламандку Неле в спектакле «Тиль». Пластика вашей героини, а она все время ходила чуть животином вперед, говорила, что Неле «беременная» любовью. Этой любовью она щедро одаривала других. В ней все пело. Ваша Инна из «Сорри» двигается уже чуть согбенно, словно придавленная жизнью. Но все равно в ее огромных светящихся глазах — надежда. И еще я заметила, что вы привлекаете внимание, если даже не произносите на сцене ни слова. Например, в «Мудреце», в эпизоде за столом. Мамаева сидит спиной к залу, а от нее все равно нельзя отвести глаза. Что происходит с вами на сцене?

— Это интересная история. Сцена — поразительное магнетическое пространство. Был у меня такой случай. Как-то я сломала крестец, как раз на

мимании. Непонимание расстраивает, угнетает. Признаться, я не уверена, а до конца ли понята зрителями.

Да, да. Не удивляйтесь. На «Иванове» зрители поначалу нас упорно не принимали, только напряженно кашляли. Играл мой любимый актер и партнер Евгений Павлович Леонов. Я была Саррой. Как мне кажется, это моя лучшая работа в театре, да еще первая встреча с Чеховым, очень дорогая сердцу. И нам приходилось пробивать ледяную стену. Зал постепенно теплел.

Трудновато было и на спектакле «Три девушки в голубом» Людмилы Петрушевской. Одни воспринимали его как какой-то кошмар. Другие видели в нем себя, как в зеркале. А несколько лет спустя зал уже хохотал, словно шла комедия.

Да, когда ходишь по сцене и зал тебя не принимает — в душе тяжелое чувство.

— Оно воздействует на вас?

— Воздействует. Сильно воздействует. Так же сильно, как общественное мнение, настроенное против тебя.

— Разве у вас было нечто подобное?

Панфиловский «Гамлет» тоже, на мой взгляд, принципиально нов. Он живой. Но настолько другой — нетрадиционный, что его не приняли, просто не поняли.

— Вы переживали?

— Да. Но не за себя. За Глеба. Его концепция меня очень волнует. Как мне кажется, она поразительно верная. В нашем спектакле Гамлет борется за власть. А по своей природе он — поэт, музыкант, художник. Стремясь же к власти, он губит свой талант.

Посмотрите, как это современно. Если поэт начинает заниматься политикой и хочет занять в ней какое-то место — пусть оно принадлежит ему по праву, по роду — он умирает как художник. Политика всегда дело кровавое.

— И поэтому ни вы, ни Глеб Анатольевич не занимаетесь политикой?

— Да, мы не митингуем, просто работаем.

— Вы с Глебом Анатольевичем одно целое?

— Наверное.

— Однажды вы признались, что именно Панфилов поставил вам актерский «голос». Но, вероятно, и Глеб Анатольевич

— Вы верите, что в человеке все запрограммировано?

— Думаю, что человек сам строит свою судьбу. Говорят ведь, что на одной руке у нас начертано то, что предназначено, а на другой, что человек смог изменить сам в своей судьбе. Жизнь постоянно испытывает нас: выдержим ли, вынесем ли те или иные испытания, состоимся ли? Да, наверное, все лучшее всегда достигается ценой страдания. И в нашей профессии тоже. Не страдающий актер, думаю, мало что может сделать в своей профессии. Только через душевные муки мы приходим к какой-то высоте и чистоте.

— Инна Михайловна, «Сорри» Александра Галина на сцене Ленкома — вторая театральная работа Глеба Анатольевича. А как отнесся к вашей работе Марк Анатольевич Захаров?

— Я все время чувствовала, что он переживал, болел за нас, был удивительно доброжелателен. Такой Марк Анатольевич всегда.

В моей актерской судьбе — два режиссера. Глеб Панфилов и Марк Захаров. Это Марк Анатольевич лет девятнадцать

наших актеров. Сильное впечатление произвели на меня Олег Янковский и Саша Збруев, когда, не щадя ни сил, ни времени, они вводили молодых актеров на роли Гамлета и Полония. При всей популярности в них нет и тени высокомерия. Нет того эгоцентризма, который я просто не выношу. Бывает, иные актеры так замкнуты на себе, что превращаются просто в женщин, и тогда задумываешься, а не перевелись ли настоящие мужчины. К счастью, в наших актерах среднего поколения этого нет. У молодых эгоцентризма больше. А жаль. Не хотелось бы.

Наша профессия — тяжкий труд. Если ты сегодня сыграл спектакль удачно, завтра надо начинать все сначала и снова как бы в потемках. Что тут замыкаться на себе?

Мы долго работали с Колей Караченцовым над «Сорри». Спектакль на двоих. Много текста, длинные монологи. Никуда не деться от зрителей, никуда не спрятаться. Приходилось много фантазировать. Я никогда не чувствовала в Коле досады — да скорее бы все это кончилось. Мне кажется, он работал с большим желанием

том самом «Тиле», да так, что и ходить не могла. Однако доиграла второй акт, будто и боли не чувствовала. Спектакль закончился — и я слегла на месяц. Что это такое? Почему актер может играть с жуткой болью? Не знаю.

Контакт со зрителями чувствуешь сразу, как выходишь на сцену. Сию минуту. В зале — живые люди. Слышишь их дыхание. У тебя выпрямляется спина. Начинают работать какие-то совсем иные центры. Ощущаешь, что все будничное — и твои мерлехлюндии, и неприятности, и головная боль — все осталось там, за кулисами.

И вот что удивительно. Каждый зритель вроде бы и сам по себе. Но все вместе они — единое целое, большое сердце зала. Оно то притягивает, то отторгает. Иногда вдруг чувствуешь — молчат, кашляют, не принимают. И это воздействует на тебя, даже подсознательно, хотя реакция зала — вроде бы и не должна волновать.

Марк Анатольевич Захаров всегда говорит нам, что нельзя заигрывать со зрителями, вставать перед ними на колени. И он, конечно же, прав. Но как не обращать внимания на зал, если ты живой человек? Все мы нуждаемся в по-

— Было. Да, и как у каждого, наверное. Во всяком случае, когда Панфилов поставил в нашем театре «Гамлета», пресса как-то усердно стала его не принимать.

— Как вы думаете, почему?

— Знаете, недавно мы с Глебом видели по телевидению гениальное, на наш взгляд, произведение. Это «Лебединое озеро» в постановке шведского балетмейстера Мэтса Экка. Мы были поражены. Совершенно иная, чем у нас, хореографическая школа. На сцене — настоящее колдовское озеро. Лебеди двуполые — мужчины и женщины. Удивительная пластика, очень эротичная. Артисты без пуантов, стопами на земле. Голые черепа — с пучочками. А как красив танец действительно малых лебедей, похожих на утят! Понимаешь, что из них непременно вырастут прекрасные белые лебеди. Принц настолько очарован, околдован этим миром, что старается постичь непонятный ему язык птиц. Пересказать невозможно — надо видеть.

Почему я вспомнила этот спектакль? Да потому, что мы увидели родственную нам душу. Было такое ощущение, что балет мог поставить Глеб, а его «Гамлета» — Мэтс Экк.

сделал бы в искусстве меньше без вас. Вы вдохновляете друг друга!

— Не знаю даже, что и сказать. Я отношусь к себе чрезвычайно скромно. Возможно, другая актриса играла бы в картинах Панфилова куда лучше меня. Кто знает? А вдохновляем ли мы друг друга? А как же иначе.

— Тогда позвольте вспомнить Даниила Ольбрыхского. Он говорит, что мечтает хоть один час провести на съемочной площадке с Инной Чуриковой и Глебом Панфиловым. Он ставит вас в один ряд с американской «звездой» Мэрил Стрип.

— Спасибо. Но у нас много хороших актрис.

— А с кем из западных актеров и на чьей съемочной площадке вы мечтали бы поработать?

— Конечно, с Мэрил Стрип и с Дастином Хоффманом, да мало ли с кем... Если чей-то мозг вдруг «пробьет» такую идею, буду только рада. Но прекрасно понимаю, что все это нереально. На Западе существует своя система «звезд», она приносит студиям огромный доход. И приглашать безвестных там русских актеров им вряд ли выгодно.

тому приехал к нам домой с директором театра и пригласил сыграть Неле в «Тиле». Это было для меня так неожиданно, что, помню, я была сильно взволнована. Позади у нас с Марком Анатольевичем много совместных работ. Чувствую, как наши отношения перерастают в какое-то новое качество — становятся просто родственными.

— Такое бывает нечасто.

— Да. Марк Анатольевич — человек открытый и закрытый. Умеет соблюдать дистанцию. Требоваелен, строг и вместе с тем всегда готов понять и помочь. Очень живой. Не терпит банальных решений, следит за всем, что происходит вокруг. Мне кажется, именно личность нашего режиссера создает в театре тот уровень отношений, когда люди хорошо понимают, что такое плохой тон, и не позволяют себе переступать границу дозволенного. У людей есть чувство достоинства. Оно проявляется, как мне кажется, на сцене и за кулисами. Я наверняка не знаю всей нашей внутренней жизни, но то, что знаю, меня не разочаровывает. Наоборот.

— Что для вас Ленком?

— Он очень дорог мне. Это моя своего рода эмиграция от нашей трудной жизни. Люблю

и открыл в себе новые качества. Я очень рада за него.

В Ленкоме много дорогих мне людей. Как наши дивные костюмерши — Рива Борисовна Бабашина и Дора Алексеевна Родюшкина. Наши бабушки такие тактичные, такие деликатные, такие преданные, что хотелось пожелать молодым быть похожими на них. Мне бывает больно, когда вдруг слышу, в каком недовольном тоне порой разговаривают с ними молоденькие костюмерши. А наша Клавочка — заведующая гримерным цехом — Клавдия Степановна Строкова! По первому зову она бежит к актеру, чтобы выполнить его просьбу. А сама еле ходит — у нее больные ноги. Эти удивительные женщины — настоящее наше сокровище! В каждой труппе, наверное, есть такие замечательные люди.

Что бы мне хотелось пожелать всем нам?

Работы! Только в работе складывается актерская судьба. И только в работе человек может выразить себя.

Сама я очень хочу играть и играть! Марк Анатольевич предложил мне Аркадину в «Чайке»...

Беседу вела
Лидия НОВИКОВА.